

Александр Балашов

Пророчество Асклетариона

«ИП Стрельбицкий»

Балашов А.

Пророчество Асклетариона / А. Балашов — «ИП Стрельбицкий»,

Главный герой повести Максим Нелидов пишет грандиозное историческое полотно из жизни двенадцатого цезаря Рима Домициана. Как известно из книги Светония «Жизнь двенадцати цезарей», именно ему волхвы предсказали (с точностью до дня и даже часа) смерть от рук заговорщиков. Художник ищет своё видение цезаря, всю жизнь пытавшегося обмануть судьбу. Страх Домициана перед личной бедой к бедам приводит худшим... Где же Истина, задаётся вопросом художник, если прошлое оплачено, будущее туманно, а настоящее постоянно ускользает? Эти терзания талантливого, но мучающегося в поисках истины и своего внутреннего видения мира шаг за шагом приводят художника к выстраданной им правде. Художественное полотно повести «Пророчество Асклетариона» разворачивается в двух временных исторических отрезках – в наши дни и в Древнем Риме. Временные параллели не случайны. Автор словно подсказывает вдумчивому читателю: иной раз в истории повторяется то, что до нас донесли древние сказания...

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Балашов

ПРОРОЧЕСТВО АСКЛЕТАРИОНА

1

До Курского вокзала Максим добрался на метро. Билет на старооскольский поезд он купил еще рано утром, сразу же после прибытия «Курского соловья» в столицу. Билет на поезд до Старого Оскола стоил подешевле, чем на фирменный. А в средствах после увольнения из творческой мастерской города К. он был весьма ограничен, рассчитав на поездку в Москву каждую копейку.

На пятом пути, откуда должен был отправляться и его состав, пассажирами загружался поезд до Новороссийска. Максим взглянул на часы – до отправления старооскольского оставался еще битый час.

После теплого вокзала холодный октябрьский ветер охлаждал не только тело, но и душу. На открытом ветрам перроне в этот вечерний час было непривычно пустынно для московского вокзала.

Но в зал ожидания идти не хотелось: в детстве он любил вокзалы и поезда. Теперь разлюбил. Решил, что скоротает время тут, на мокром от дождя перроне. Какая разница, где убивать время?

Он с минуту постоял у освещенной витрины самого крайнего киоска со сникерсами и чипсами, достал потрепанный бумажник и, пересчитав свой жалкий капитал на освещенном пятачке, протянул в окошко пятьдесят рублей.

– Бутылку миниралки, пожалуйста.

Киоскёрша с ярко напмаженным пухлым ртом сунула в амбразуру «полторашку».

– А сдачу? – выдавил из себя Максим, как всегда, конфузясь, когда его обманывали, принимая за лоха.

Калиновые губы продавщицы скривились в презрительной усмешке, но все-таки отсчитала рубль и три желтенькие «десюльки», со звоном выбросив мелочь на фаянсовую тарелку.

– Спасибо, – сказал Максим, поправляя съехавшую на глаза старомодную широкополую шляпу.

– На здоровье! – съязвила продавщица и с треском захлопнула окошко амбразуры.

Максим опустил во внутренний карман плаща почти пустой бумажник, в котором вместе с остатками денег лежал билет, дававший ему право проезда в четырнадцатом плацкартном вагоне до Курска, поправил на плече ремень сумки, переложил тубу с эскизами в левую руку, а в правую взял холодную бутылку миниралки. Покрутив головой, побрел к мокрой лавке.

«Просто это не мой день, – грустно подумал он, глядя на двух таджиков, пытавшихся достучаться до продавщицы перронного киоска. – Нужно было ехать в Москву после Покрова... Пятнадцатого, а не двенадцатого. В числе «12» есть двойка. А это любимое дьявольское число Двоедушника. У него – две души: одна человеческая, а другая демоническая. Сегодня Двоедушник демонстрирует мне вторую...».

Нелидов усмехнулся, вспоминая почти уже прожитый день. Как спешил в столицу к Доктору Велесу¹, мучился, отбирая зарисовки к задуманной им еще десять лет назад картине

¹ Велес – в русской мифологии, бог богатства и покровитель домашних животных, владыка лесов и животного мира; сын Амелфы, дочери Небесной Коровы Земун и Ра, бога Солнца.

«Пророчество Асклетариона»². В обшарпанной тубе, выданной ему в отделе архитектуры для транспортировки чертежей, он привез маэстро живописи свои лучшие работы – эскизы астролога Асклетариона, весталки³ Валерии, актера Латина, убийц Домициана спальников цезаря Парфения, секретаря Энтелла, управляющего Домициллы Стефана. На его полотне двенадцатый цезарь Рима уже мертв и уже не сопротивляется наемным убийцам. Сорок лет назад он был приговорен вещим Словом к своему роковому концу. Такую судьбу предсказали Домициану⁴ еще в детстве.

* * *

Бывший профессор художественной Академии Велесов, которого московские художники и искусствоведы прозвали – Доктор Велес, знал толк и в живописи, и в человеческой истории, и в человеческих характерах, судьбах и предсказаниях звездочетов и астрологов – во всей этой вечной ярмарке тщеславия человеческого рода. Нелидов учился на худграфе по книгам Велесова и считал его лучшим специалистом по искусству Древнего Рима. А монографию, посвященную гибели Помпеи и картине Пьера-Анри де Валансьена, изображавшую гибель Плиния Старшего на морском побережье в Стабиях, Максим читал, как чтят святыни.

Но с поездкой к мэтру всё как-то не получалось. Хотя его бывшие земляки-однокурсники, теперь уже столичные «штучки», попавшие в Москву в поисках не призвания но куска хлеба насущного, познакомившись с Доктором Велесом накоротке, за «кружкой доброго вина», при встречах однокашников уговаривали Нелидова: поезжай да проезжай! Доктор Велес – это голова. И твои многолетние поиски и прорывы в виртуальное «мёртвое время», возможно, обретут новый вектор движения. Хуже, по крайней мере, не будет. А, если зацепишься на богатенького Буратино-заказчика, то, быть может, и свою «синюю птицу» за хвост поймашь...

Но текучка, нищета и вечная суета, вцепившись в Максима бульдожьей хваткой, не отпускали. Решился на поездку к Доктору Велесу только после увольнения из проектной конторы самого молодого в области города К., где Нелидов, по его же выражению, «игрался в кубики»: лепил и клеил макеты будущих «гипер-маркетов» и новых кварталов. К этому подтолкнуло и исчезновение из его судьбы Люськи, которая и любила, и губила одновременно. Причем, второе у его гражданской жены получалось талантливее первого. Достоинства и пороки смешались в ней поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки. Вопреки природе жадной её сделала бедность, которая со студенческих лет сопровождала Максима и никак не отлипала от него. А жестокость Люсии была от страха за каждый новый день, который, по её убеждению, их давно обреченной семье не сулил ничего хорошего. Записка, брошенная на кухонном столе, была краткой – «Прощай, клоун!» – и уже поэтому Нелидов знал точно: на этот раз она уже не вернется.

Той осенью Максим снял с книжки последние деньги, которые копил на холсты и краски, закрыл на хлипкий замок свою пустую холостяцкую «однушку», служившую ему и мастерской, и спальней, и столовой, и единственным жизненным причалом, в котором хотя бы еще оставалось тепло батарей центрального отопления.

² Асклетарион – астролог Римского императора Домициана, предсказавшего смерть правителю Римской империи с точностью до часа. Погиб Домициан от рук заговорщиков на четырнадцатый день до октябрьских календ на сорок пятом году жизни и пятнадцатом году власти. (Гай Светоний Тинквилл «Жизнь двенадцати цезарей» (1-23).

³ Весталка – в Др. Риме жрица богини Весты, давшая обет блюсти целомудрие. Весталки Риме пользовались правом заступничества за приговоренных к смерти. (Г.Светоний Тенталл).

⁴ Правление Домициана – 81–96 гг. нашей эры.

В тот же день он, раздобыв у друзей-художников московский адресок старого искусствоведа и художника Велесова, «на шару», то есть на удачу, вечерним поездом отбыл в Москву.

К полудню Нелидов, изрядно помятый в метро, наконец-то отыскал нужный ему дом на Земляном Валу, последнюю «хрущобу» среди теснившей старое строение «точечной застройки».

Он долго не решался войти в подъезд девятиэтажки, хотел даже уйти не солоно набравшись... Но кодовый замок на двери подъезда был сломан, а значит, путь к автору многих блестящих работ по живописи был открыт. Максим потоптался у облупленной железной двери и, глубоко вздохнув, позвонил. Прислушался – за дверью стояла напряженная тишина. Он позвонил еще раз. Послышались шаги, и кто-то намертво прилип к смотровому глазку. Потом скрипучим голосом несмазанной дверной петли спросили:

– Какого хрена кому надо?

– Доктор Велес? – спросил Максим. – Господин Велесов! Откройте, пожалуйста... Я – Максим, художник из провинции...

– Какого хрена «Максиму из провинции» нужно? – опять проскрипело за тонким железом дешевой двери.

– Я – Максим Нелидов. Звездочёт. Вам обо мне Коля Дунаев рассказывал... Должен был рассказывать.

– Никакого Колю, тем более Дунаева, не знаю.

– Ну, Коля Злыдень... Художник из нашего городка на Курщине по прозвищу Злыдень...

За дверью повисла неопределённая пауза. Потом ключ долго со скрежетом крутился в замке. Наконец, железная дверь со стоном выпускавшего дух грешника отворилась.

На пороге стоял старичок в выдавшей виды тельняшке и линялых джинсах из «секен-хенда», которые пережили уже не одного хозяина. Доктор Велес, «внебрачный сын Небесной Коровы и бога Солнца», как он шутовско представился Нелидову, был бос, помят со сна, давно не брит и выбрасывал в сторону Максима характерный выхлоп пережженных дешевым спиртным труб – кисловатый перегар хронического похмелья.

– Водки привез, Звездочёт? – по-свойски, будто своего закадычного друга, спросил Велес, со смутной надеждой глядя на сумку Максима.

– И водки, и пива...

– Ты, старик – гений. Заходи!

Максим потоптался в прихожей, глядя на свои армейские ботинки.

– Не разувайся, – не оборачиваясь к гостю, сказал хозяин. – Я своих гостей уважаю больше, чем драный линолеум.

Почетный академик трех Академий художеств, член-корреспондент, бывший профессор задумчиво почесал плешь, заглядывая под перекошенный шкаф без одной дверцы, загромождавший и без того тесную прихожую.

– Значит, ты – Звездочёт? – хрипловато спросил он, щупая большим пальцем ноги недосыгаемое подшкафное пространство.

– Звездочёт... Ребята еще на худграфе так прозвали.

– Ты, Звездочёт, мои кроссовые тапочки не видел?

– Не-ет... – удивленно протянул Максим.

– Странно, что не знаешь, где они. И какой ты, к хренам собачьим, звездочет после этого?... Даже на экстрасенса не тянешь. Звездочеты ведь видят не глазами. Ладно, не обращай на старого брюзгу внимания, следуй за мной...

Нелидов вслед за Доктором Велесом прошел в заваленную всяким хламом комнату. Кроме железной кровати с тремя никелированными шарами, побитыми ржавчиной, здесь

стояла тумбочка, выброшенная из казармы или больничной палаты, на ней – старинный ламповый приемник «Балтика». В углу печально склонил повинную голову горбатый торшер с прожженным абажуром над кособокой лампочкой. У окна, занавешенного бордовой бархатной тряпкой, скорее всего откромсанной у занавеса какого-то районного клуба, к стенке был припёрт пузатый облупленный буфет. («Полный антиквариат, как полный атас!») – гордо сказал об этой изъеденной временем и личинками «мебели» Доктор Велес, погладив поцарапанное буфетное пузо). Круглый стол на толстой, как у боровика ножке, был завален эскизами книжных обложек, карандашными набросками, листами, скверно отпечатанными на принтере, у которого кончались чернила.

Доктор махнул рукавом тельняшки – и часть его работ спланировало на давно не мытый пол.

– Ставь бухалово сюда, Звездочёт. Расслабься. Будь, как дома, но не забывай, что ты – у самого Велеса! Я каменных гостей не жалую. Пришел, выпили, побалакали – ушел. Следующий. Ха-ха... Так, старик, и живем при капитализме, где время – это деньги. А не наоборот, – веселился старичок, покашливая в жилистый волосатый кулак. – Я мигом на кухню, за закусью... Не могу пить по-американски, прихлебывая их кукурузную самогонку, как чай с малиной.

Уже с кухни профессор искусствоведения с сипом, как закипевший старый чайник, засвистел давно забытый в безликой гуще современной попсы вальс «Под небом Парижа»:

– Фью, фью, фью-ю-ю... Так бы сразу так и сказал, что от Злыдня... Фью-фью... А то – Максим. Провинция... Фью-ю-ю... Думаю, что это за фамилия такая – Провинция... Хотя евреев во все времена в искусствоведении хватало, но ни одного иудея с фамилией «Провинция» я не знал. Фима Винтер после того, как меня добрые люди с папками под мышками из переделкинской госдачи переселили в этот ностальгически райский уголок, Фимка, гад ко мне ни ногой... Раньше из Переделкино, бывало, не выгонишь. За портвейном быстрее Фимки никто в магазин не бегал... Что там ваши «Форды» и «Фольксвагены»!.. А теперь – на мои звонки по трубе не отвечает, наверное, боится, что попрошу на опохмелку... Брезгует своим учителем.

– Я тоже вас своим учителем считаю, – сказал Максим погромче, чтобы доктору искусствоведения слышно было и на кухне. – Заочно, так сказать... Спасибо вам за ваши книги... Я учился по ним в своё время.

– На здоровье! Только, как я вижу по твоему образу, не тому, видать, научился. Не рыночному отношению к нашему духовному делу... – отозвался маэстро, и тут же запахло зашкворчило, запахло жареным луком. – Ты молодец, что оказался в нужное время и к месту у меня. Это очень важно: оказаться в нужное время в нужном месте. Я все время опаздываю. Но, впрочем, горжусь этим. Точность ведь вежливость королей, а какие короли из нас сегодня? – Что-то с грохотом упало, Доктор Велес вскрикнул и виртуозно, как и подобает истинному маэстро, выругался. – Не пугайся, Звездочёт, это не милиция в дверь стучится... Это кухонная утварь с крючка сорвалась.

Профессор крикнул с кухни, чтобы гость распечатывал бутылки. Его праздничная кулинарная работа, судя по звукам и запахам, была на завершающем этапе. Доктор Велес мелькал перед глазами Максима, как старая зебра в вольере зоопарка. Хотя Максим для себя уточнил сравнение – «словно старый зебр». Так было точнее.

Профессора, не привыкшего к долгому одиночному заточению, несло по кочкам. Он буквально упивался человеческим общением.

– Я ведь тоже бывший спортсмен, – говорил он, накрывая на стол. – В свое время за бутылкой для самого Егора Святогорова бегал... Он кагор церковный уважал, а церкви в Москве при Хрущеве через одну работали. И кагором там не торговали. Так покупал в каком-нибудь чипке портвейшок, рисовал этикетку кагорную, слюнями присобачивал к бутылке – и

всучивал маэстро. Если Егор был пьян, то проходил номер. Но однажды раскушал хитрость подмастерья...

– Этикетку поддельную?

– Нет, портвейн... Пойло, честно сказать, вообще ни в дугу было. Даже по совковским стандартам. Орал на меня так, будто его отравили грибами и теперь ничто, даже промывание желудка, его уже не спасет... Ничего, обошелся пойлом «Мосплодвинпрома»... Стоило только стакан выпить – и, как истинно русский человек, он сразу же привыкал к хорошему. Не веришь, Звездочёт? Истинная правда! Мне и сейчас вкус портвейна будит в душе прекрасные позывы молодости. Ведь в юности все мы – гении. Пусть не признанные, но обязательно – гении! Сами с усами. Потом эта детская болезнь проходит. Как корь. Или скарлатина... Жаль, что проходит. Хотя – всему свое время. Время быть гением, время бить, время пить и время умирать... Жаль, что не догадываемся попросить у смерти бессмертия.

– У смерти... бессмертия? – опешил Максим.

– Бессмертия, бессмертия, сынок, – лукаво улыбаясь, ответил Доктор Велес.

– Как это?

Экс-профессор ринулся к книжной полке, забитой старыми книгами и листами с рисунками. Он вытащил какую-то папку и стал швырять на пол рисунки, выполненные карандашом и акварелью, приговаривая:

– Это не то, это снова не то, это опять не то... А вот это – ТО!

Доктор Велес бросил рисунок на стол.

– Вот, зацени, Звездочёт!

Максим с интересом стал рассматривать рисунок. Ничего выдающегося: умелой рукой акварельными красками был изображён буран в степи. Снежная круговерть, через которую пробивается согбенная фигурка обречённого на смерть маленького человека.

– Ничего не видишь? – спросил профессор.

– Метель...

– Ты путника в ночи видишь?

– Вижу...

Ни хрена ты не видишь... Что у него в руке?

Максим напряг зрение.

– Какая-то жёлтая точка.

– Точка, – передразнил парня Доктор Велес. – Это Искра Жизни! Каким-то чудом этот слабый по виду человек сумел сохранить Искру Жизни, парень! Вот что надо художнику, чтобы стать бессмертным.

Профессор потёр руки, будто они у него озябли, стал, как на лекции в аудитории, прохаживаться у стола – туда три шага, три шага обратно.

– Знаешь, Звездочёт, этот этюд написал мой любимый ученик, Коля по фамилии Рак. В юности он замёрз в степи насмерть. Двенадцать часов пролежал на снегу при двадцатиградусном морозе. Какие-то шофера подобрали его без малейших признаков жизни. Ну, притащили в свой вагончик, положили окоченевший труп мальчишки на лавку... А к вечеру мальчик открыл глаза.

– Как тебе удалось ожить? – спросили его потом те добрые люди.

– Я уснул и во сне попросил бессмертия у смерти, – ответил мальчик.

– Невероятная история, – выдохнул Максим.

– Вероятная. Вполне. В застывших клетках, под слоем окоченевших мышц теплилась слабая, но Искра Жизни. Не дать ей погаснуть – вот в чём наша задача. И это главное предназначение истинного Художника на вечной Земле, где жизнь и смерть идут рука об руку.

Доктор Велес закончил свою лекцию и плюхнулся на кожаный диван, жалобно скрипнувший ржавыми пружинами.

– Понял хоть что-то, Звездочёт, а?

– Перевариваю, – после паузы тихо ответил Максим.

– Ну, ну, – хорошо, коль котелок варит... А то ведь нынче думать наш брат не любит. Раз, два – и слепил из говна конфетку, которую назвал дурацким словом – «инстоляция». Ловкачи её за мзду на выставку современного искусства, так сказать, пристроили... А народ, пипл – он ведь и конфетку из говна скушает. Как не скушать, коль в такой фантик закрутили! Вот тебе и слава! И главное, по их разумению – деньги.

Профессор не на шутку разошёлся, рывком встал с дивана.

– А по мне в любой винной этикетке больше искусства, чем в той сраной инстоляции Фимки, которую из Москвы уже в Монреаль потащили... А бездаря Фимку в газетных статьях гением величают.

Максим ещё раз взглянул на «Буря в степи» и стал подбирать с пола раскиданные этюды. Несколько этюдов представляли собой эскизы к книжным обложкам.

– А этикетки кто рисовал? – глядя на эскизы книжных обложек, спросил Нелидов.

– Ах, ты об этой халтурке?... Сам, пенсия то грошовая... Я же, старичок, неплохой книжный график. Мне и сегодня за это кой-когда бабки платят... Правда, фамилию прошу не ставить. Стыдно... Но жрать-то хочется, вот и тоже вхожу в эту ярмарку тщеславия. Как гоголевский ревизор – инкогнито. Ха-ха...

Велесов принес огромную сковороду, на которой жалкой кучкой чернела подгоревшая вчерашняя картошка.

– Что там винная этикетка!.. Я с голодухи трешки рисовал – кассирши в гастрономе от подлинных банкнот не отличали. Кабы хоть одну засекли – не сидел бы я сегодня тут с тобой, не философствовал на вечный русский вопрос: пить или не пить? А о чем я, собственно, тебе читал лекцию?

– Так вы, учитель, про искру жизни, а потом про Фиму какого-то рассказывали...

– Про кого-кого?...

– Ну, про Фимку, ученика вашего...

– Про этого гада? Не помню, Звездочет... Извиняйте великодушно – склероз сосудов. – Он пошамкал ниточками губ и звонко шлёпнул ладонью по покатоному сократовскому лбу. – Ах, Фимка!.. Какой он тебе Фимка... Он нынче Ефим Мусаилович Винтер – ведущий дизайнер, с самим Никосом с Рублевки, как уверяет, на дружеской ноге. Как Хлестаков с Пушкиным. Но вот не верю, как говаривал старик Станиславский, я его искусству. Нет в нём Искры Жизни. А без этой Искры художник у смерти бессмертия не выпросит!

Почетный академик снова умчался на шестиметровую кухню, откуда тут же вернулся с пачкой соли и половинкой хлеба.

– Хлеб-соль тебе, гость дорогой!

Он, порябив тельняшкой в глазах, снова упорхнул на кухню. Оттуда, что-то жуя, бросил:

– У Фимки таланта – с гулькиных клюв... Я-то знаю, вроде бы моим учеником считается. Золотого сечения так и не усёк, зато усёк столичной ярмарочной тусовки: мазюкает лажу всякую на потребу публике и продаёт за хорошее бабло...

– И берут? – спросил Максим, чтобы поддержать разговор с летающим стариком, похожего на матроса торгового флота, списанного на берег за пьянку.

– У-у... – завыл на кухне Велес. – Ишшо как, старичок!.. Я, когда нуждался в средствах, все подлинники из своей коллекции за гроши распродал. Трехгрошовую пенсию месяцами задерживали. А кушать, извините, все равно хотелось... Он за свою лажу вдвое больше берет, чем я за Поленовский дворик выручил. Это правда. Правда искусства, как, впрочем, и правда жизни всегда ниже искусной лжи на ярмарке тщеславия ценились. Его лажа – ложь. Но она, Звездочет, в обществе, от которого и мы увы, не свободны, всегда в большой цене.

Максим услышал, как дернул носом академик, вздохнул и шумно высморкался, спуская воду в унитаз.

– Новый псевдоавангард, ослиную мазню, нувориши берут!.. – плаксиво бросил он в открытую дверь. – За чушь собачью – тысячи долларов отваливают... Или евриков, отчего мне, профессору искусствоведения, не легче...

– Вкус публики нужно воспитывать...

Босой академик залетел в комнату с большим блюдом рыбного ассорти: на тарелке лежали три скукоженные кильки с уже оторванными головами и засушенная с прошлой пьянки селедка.

– У кого деньги-то, Звездочёт?... У всякого быдла, у торжествующих свиней!.. Они казны не считают... Но за твой исторический реализм, передвижник, они и гроша ломаного не заплатят. Не их товар.

– Товар? – не понял Максим.

– Злыдень рассказывал, что ты что-то из жизни Древнего Рима мазюкаешь...

– Смерть Домициана...

– Ну, передвижник, и нашел ты тему!.. Голых баб, что ли, мало? На них хоть какой-то капусты нарубишь. А кому, скажи на милость, нужна нынче смерть обреченного прорицателями смерть двенадцатого цезаря? А? Ты не делай его фигуру главной на картине...

– Как не делать? Центральная фигура.

– Вот-вот, типичная ошибка дилетанта... Часто, благодаря угодливым пропагандистам власти, в памяти остаются не те имена... Не истинных героев, понимаешь? И молится пипл на выдуманных идолов. А могилы подлинных героев зарастают травой забвения, самой, Звездочёт, злой и несправедливой травой в мире.

Велесов ткнул вилок в самую худосочную кильку, но не подцепил её с первого раза.

– Ты, парень, должен зарубить у себя хоть на носу, хоть на самом интимном месте: право на бессмертие в памяти поколений даёт только правда в искусстве. Ложь – мать лже-героев и идолов.

– Но Герострат вошёл в историю через своё преступление, – возразил Нелидов. – Домициан интересен мне как жертва правдивого пророчества.

Профессор наконец-то подцепил кильку на вилку и отправил её в рот.

– Художник смотрит не глазами, а сердцем... Посмотри на ситуацию своим ещё неопытным и наивным сердцем. И ты увидишь: не в нём, Домициане, жалком и жестоком трусе дело... Все трусы, как правило, жестоки, стоит им получить хоть какую-то власть над ближним или дальним. Домициан интересен только с позиции подвига его астролога. А вот об астрологе, ценой своей жизни высказавшего правду в глаза диктатору, – историки предпочли умолчать... Без подвига Правды нет смысла в твоей картине. Художник, если он хочет остаться в памяти поколений, просто обязан попросить у смерти бессмертия... Иначе нет смысла браться за творчество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.